

*М.-П. Рей**

РОССИЯ И РУССКИЕ ГЛАЗАМИ ПЛЕННЫХ ФРАНЦУЗОВ В 1812 г.: КОМПАРАТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

В русской кампании, начатой Наполеоном в июне 1812 г.¹, участвовало около 600 тыс. солдат и офицеров. Из этого первоначального контингента при отступлении армии в декабре 1812 г. обратно через Неман перешли от 60 до 80 тыс. человек (цифры разнятся), а от 150 до 200 тыс. человек, многие из которых были ранены или больны, оказались в плену.

Учитывая беспорядок и отсутствие правил взятия в плен, судьба этих пленных, а их по ходу кампании становилось все больше, складывалась очень по-разному. Чаще всего солдат², попавших в руки казаков или партизан, ждала немедленная расправа. Британский генерал Роберт Вильсон, бывший в то время военным советником царя Александра I, человек, которого трудно заподозрить в симпатиях к Великой армии, с ужасом описывал подробности жестокого обращения с пленными. Отобрав у них вещи и содрав одежду, их либо расстреливали на месте, либо заживо хоронили или сжигали³. Случалось, что пленных отдавали на растерзание крестьянам, которые подвергали их пыткам, а затем убивали, что нередко сопровождалось языческими обрядами. Об актах насилия и варварской жестокости сообщается и в других источниках, также современных описываемым событиям:

Я видел, как одного пленного француза продали за двадцать рублей крестьянам, которые облили его кипятком из котла, а затем посадили на кол. О, ужас! От этого содрогается человеческая природа! Русские женщины ударом топора убивают пленных и мародеров, которые заходят в их селения⁴.

Тем не менее нескольким тысячам военнопленных повезло больше: им удалось избежать поспешной расправы. Уцелев в русском аду, они вернулись во Францию, где некоторые из них — но таких было совсем немного — написали воспоминания, часть из которых была опубликована либо прижизненно, либо посмертно. Что сообщается в этих текстах об обращении с пленными? Что в них рассказывается о Российской империи и ее жителях? Что мы узнаем из них о населении, нравах, политическом строе России того времени? В данной статье на основе не-

* *Мари-Пьер Рей, директор Центра славянских исследований университета Париж I.*

¹ См.: *Rey M.-P. L'effroyable tragédie, Une nouvelle histoire de la campagne de Russie.* P., 2012.

² К офицерам порой отношение было более мягким.

³ *Seton-Watson H. The Russian Empire, 1801–1917.* L., 1967. P. 138.

⁴ *Récit du lieutenant Bressoles // Revue du Souvenir Napoléonien.* 1979. N°135. Цит: по: *Bernard L. Les prisonniers de guerre du Premier Empire.* P., 2002. P. 215.

которого первоначального корпуса текстов делается попытка наметить возможные пути поиска ответов на эти вопросы. При этом следующим шагом должно стать более систематическое изучение источников.

Пленные и их воспоминания:

новое обращение к весьма специфическому источнику

1. Своеобразие исследуемых документов

Личные записи военнопленных – это свидетельства выживших, а значит, их воспоминания несут на себе сильный отпечаток пережитой травмы, связанной как с самой военной кампанией, так и с ужасающими условиями плена.

В нашем распоряжении есть два вида источников: во-первых, письма, которые некоторым пленным удалось отправить из далекой ссылки своим семьям. Повествуя о текущих событиях, эти послания описывают по горячим следам восприятие пленником окружающего его мира, но при этом они часто менее непосредственны и более «стерильны», чем воспоминания. Не желая чрезмерно беспокоить своих близких, шадя их, стараясь их успокоить, пишущий прибегает к самоцензуре, в силу чего правда предстает не такой пугающей, какой она была в действительности. Наоборот, воспоминания и мемуары, второй источник, имеющийся в нашем распоряжении, пишутся с большей прямоотой, но они подвержены рискам, связанным со всяким усилением памяти: их авторы порой искажают, приукрашивают, грешат против истины, стремясь выставить себя в выгодном свете.

Дошедшие до нас рассказы весьма немногочисленны: лишь немногие сумели вынести жестокое обращение, которому они подверглись, а из тех, кому это удалось, мало кто был способен, а тем более имел мужество и желание описать свой опыт и представить его на суд публики. Тем не менее несколько свидетельств представляются в высшей степени интересными. В данной статье мы привлекаем четыре дневниковых и мемуарных источника, а также корпус писем.

Мемуары Оноре Бёле, гренадера 36-го линейного полка, выпущенные в 1907 г. парижским издательством Оноре Шампюна, не были, как мы видим, прижизненным изданием. Текст опубликован внучатым племянником Оноре, Жозефом Бёле, который, обнаружив рукопись в библиотеке своего дяди и сочтя ее интересной, решил сделать ее достоянием публики, хотя изначально мемуары предназначались лишь для семейного круга. В самом деле, в начале своего сочинения Оноре Бёле пишет:

Я видел такие вещи, которых больше никто никогда не увидит и о которых, несомненно, будут говорить потомки. Быть может, моим детям и внукам когда-нибудь будет интересно прочесть рассказ об этих событиях. Обратимся

же вновь к нашим заметкам и попробуем хотя бы отчасти прожить все это заново, чтобы сделать такое чтение увлекательным и поучительным⁵.

Мемуары Бёле являются для историка свидетельством первостепенной важности. Бёле родился в 1789 г. в деревушке Узуэр ле Дуайен в области Бос, в крестьянской семье. К началу военной кампании ему было 23 года. В плен он попал 28 ноября 1812 г. вместе со всей дивизией генерала Партуно. Сначала был брошен в витебскую тюрьму, затем переведен в Кострому, куда прибыл 20 сентября 1813 г. после восьмимесячного следования по этапу. «Передышка» продлилась недолго, так как уже 29 сентября Бёле оказался в Казани, где находился до 8 ноября. В конечный же пункт, городок Бирск в Башкирии, он прибыл 15 декабря. Там он оставался до 4 августа 1814 г., а в январе 1815 вернулся домой во Францию.

Свидетельство Бёле может быть дополнено свидетельством врача Дезире Фюзелье, автора «Дневника из российского плена, 1813–1814 гг.»⁶. Точка зрения последнего существенно отличается от впечатлений Бёле. Фюзелье моложе Бёле, он горожанин, родившийся в 1794 г. в Абвилле. К началу похода ему было всего 18 лет. Фюзелье — выходец из более состоятельной среды: его отец, в прошлом священник, был лишен сана, став впоследствии школьным учителем. Дезире решает получить медицинское образование, но тут его застает Русская кампания. В апреле 1812 г. он призывается в армию, а 13 января 1813 г. попадает в плен и высылается на Восток, в Поволжье, за 600 км от Урала. В плену Фюзелье изучает русский язык и даже ухитряется заниматься медициной. По этой причине условия его содержания были менее суровыми, чем те, в которых оказался Бёле. Он был освобожден 18 июня 1814 г., 5 ноября 1814 г. пересек русскую границу и в январе 1815 г. вернулся во Францию. По возвращении Фюзелье возобновляет занятия медициной, едет в Париж и в дальнейшем обосновывается в качестве врача в парижском пригороде Монтрёй. Изначально дневник не предназначался для публикации. Однако спустя 190 лет после описываемых в нем событий один из потомков Дезире, Реймон Фюзелье, решил издать текст, снабдив его примечаниями.

К этим двум источникам примыкают также неизданные мемуары молодого офицера Александра де Шерона⁷ и «Дневник походов и ранений» Шарля Франсуа Мино⁸. Последний был фуражиром второго швейцарского

⁵ *Beulay H.* Mémoires d'un grenadier de la Grande Armée, 18 avril 1808–10 octobre 1815, de la Beauce à l'Oural par la Bérézina et d'Oufa à Ouzouer le Doyen. P., 1907. Préface. P. XII.

⁶ *Fuzellier R.* Introduction // Journal de captivité en Russie, 1813–1814 tenu par Désiré Fuzellier, médecin. Электронное издание. P., 2010. P. 32.

⁷ *Cheron A. de.* Mémoires inédits sur la campagne de Russie / Présentés par Robert de Vaucorbeil. P., 2001.

⁸ *Minot Ch.-F.* Journal des campagnes et blessures / Combats et captivité en Russie, Mémoires et Lettres de soldats français. P., 1999.

полка, что позволяет разнообразить национальное и географическое происхождение наших свидетелей. И наконец, наряду с этими четырьмя текстами мы привлекаем письма, написанные пленными солдатами и офицерами, одним из которых был майор Бретон⁹. В силу своей отрывочности письма не могут претендовать на ту же цельность анализа, что и дневники. Тем не менее они являются ценным источником, отражающим впечатления о русских и России и в первую очередь о тех условиях, в которых осуществлялись захват военнопленных, их этапирование на Восток и содержание в плену.

2. Трудное путешествие на Восток

Каковы бы ни были обстоятельства их пленения — на поле боя, в устроенных казаками засадах или же в госпиталях и деревнях, где они оказались, не в силах от истощения следовать далее вместе с Великой армией, — военнопленные, теоретически находясь под конвоем и под охраной армии, препровождались в направлении Урала и Сибири. При этом солдаты чаще всего шли пешком, а офицеров иногда везли на подводах. Путь на Восток, длившийся несколько месяцев, стал для большинства из них страшным испытанием.

Не все военнопленные передвигались по суше. Некоторых посадили на корабли и повезли морем, «поскольку русские эвакуировали больных, захваченных в Кёнигсберге, морским путем, избавив их от нескольких сотен километров пешего пути»¹⁰. Но и для них дорога была тяжелой ввиду невыносимых материальных условий, в которых оказались эти люди. Будучи одним из них, Дезире Фюзелье писал в своем «Дневнике»:

«...Во время этого долгого переезда нам пришлось настрадаться вдосталь: мы находились в ужасающей нужде; нас терзали паразиты; мы не могли вытянуться лёжа — настолько было тесно! У меня к тому же был жар, и, чтобы утолить жажду, я пил воду из Балтийского моря. Хоть она и не очень соленая, но вкус у нее тошнотворный. Прибавьте к этому несколько сухарей в день — таков был мой рацион»¹¹.

Что касается майора Огюста Ипполита Бретона, то он попал в плен в сражении под Красным 18 ноября 1812 г. Затем был отправлен на Украину, а весной 1814 г. отпущен на свободу и в сентябре вернулся во Францию. В дошедших до нас письмах к близким он описывает, как неимоверно тяжел был этот переход, длившийся несколько месяцев:

Бедные пленные, умиравшие от голода, усталости и холода, почти все были захвачены в деревнях, через которые прошла армия, или в районе

⁹ *Breton A.-D.-H., commandant. Lettres de ma captivité en Russie / Combats et captivité en Russie, Mémoires et Lettres de soldats français. P., 1999.*

¹⁰ *Journal de captivité en Russie. P. 32.*

¹¹ *Ibid. P.69.*

пожарищ, которые она оставила после себя. У них не было сил уйти оттуда даже при приближении врага, так как у большинства были обморожены ноги. Эти несчастные, как ты понимаешь, передвигались с невероятным трудом, и как только они останавливались или в изнеможении падали, дикие казаки, конвоировавшие нас, кричали: «Маршир¹²!» С этими словами они избивали несчастных пиками, а если те все равно не могли повиноваться приказу, бесчеловечно убивали их. Мы слышали жалобные, душераздирающие крики жертв, которых зверски умерщвляли эти каннибалы. Я и сейчас содрогаюсь при одном воспоминании об этом¹³.

В период кампании 1812 г. не было единого плана перемещения пленных. Вместо этого имело место стихийное, день ото дня менявшееся регулирование потоков, состоявших из тысяч пленных солдат. По рассказам многих из них, ни солдаты, ни их конвоиры часто понятия не имели, куда идут, и лишь по ходу дела пленные узнавали, что, поскольку властям нужно было освободить место для новых пленных, их решено переместить дальше на восток, из-за чего им приходилось вновь отправляться в путь. Гренадер Бёле так пишет об этом в своих мемуарах:

Если не считать нищеты и грязи, в которых мы находились, то обстановка в Витебске была терпимой, и мы надеялись, что русские оставят нас там до конца зимы. Однако в приграничных губерниях скопилось столько пленных, что тем, кто прибыл раньше, приходилось вновь трогаться в путь, чтобы освободить место для новых конвоев¹⁴.

На первых порах своего вынужденного путешествия люди спали в тюрьмах или местах, приспособленных под тюрьмы, но случалось, что некоторые из них, признанные неспособными к передвижению, отправлялись в походные госпитали. Из-за отсутствия теплой одежды многие пленные по дороге умирали. Кроме того, в районах, пострадавших от боевых действий, свирепствовала эпидемия тифа. Таким образом, перевод пленных из одного места в другое нередко был равносителен смертному приговору. Перевалочным пунктом по пути следования на восток часто служила Казань. Там люди по нескольку дней отдыхали и получали теплые вещи. Так, 9 октября 1812 г. в Казань прибыла группа из 300 военнопленных. Около пятидесяти из них, признанных негодными к дальнейшему этапированию, были сразу же отправлены на лечение в местный военный госпиталь; другим же были выданы сапоги, полшубки, суконные панталоны и шапки, после чего их погнали в направлении Оренбур-

¹² На ломаном французском это означало «Marchez!» — «Идите!»

¹³ Breton A. Op.cit. P. 125.

¹⁴ Beulay H. Op.cit. P.105.

га¹⁵. Однако в конце декабря 1812 г. из-за сильных холодов — зима в тот год выдалась особенно суровой — дальнейшее перемещение пленных на восток оказалось затруднено или даже вовсе приостановлено, в связи с чем часть из них закончила свой путь в Казанском генерал-губернаторстве. По данным местных архивов, в начале января 1813 г. в Казани насчитывалось 254 военнопленных. Месяцем позже их было уже 422, но если принять во внимание тот факт, что, по данным на февраль 1813 г., только за первые два месяца 1813 г. было зарегистрировано 116 смертей¹⁶, то из этого можно заключить, что число прибывших намного превышало конечную цифру. Пленные прибывали и в последующие месяцы: общее число плененных, доставленных в Казань в 1813 г., оценивается примерно в 2000 чел.

Что касается тех плененных, которые отправились в путь еще до наступления холодов и продолжали двигаться на восток, то их перемещение часто происходило достаточно хаотично. Из-за нехватки помещений французов чаще всего селили у местных жителей, которые во исполнение постоянной повинности должны были предоставить им кров и пропитание. Но недовольные этим местные жители нередко находили обходные пути и добивались себе поблажек, о чем выразительно пишет Фюзелье:

Как только колонна, отряд или полк прибывают в какой-нибудь населенный пункт, командир обязан явиться к десятскому, если это деревня, к городничему, если это окружной город, или к полицмейстеру, если это губернский город. Тогда тот, кто занимается расквартированием, получает приказ взять столько-то солдат и офицеров. Он составляет список домов, входящих в населенный пункт или в городской квартал, который должен брать на постой, если это губернский город; берет палку, чтобы стучать в ворота, и предусмотрительно берет с собой двух-трех человек, в зависимости от размеров жилого дома. Если хозяин дома человек зажиточный, он подзывает к себе десятского и, дав ему два-три пятака (2–3 су), договаривается об освобождении от повинности. Тем временем бедный военный, на ветру, под проливным дождем, стоит и ждет посреди дороги. Наконец, десятский возвращается и говорит: «Здесь не берут». Я рассказываю об этом, поскольку нам всем было грустно видеть, как от нас откупаются за несколько су и стакан водки¹⁷.

¹⁵ См.: *Хомченко С.Н.* «Военнопленные армии Наполеона в Казанской губернии в 1812–1814 годах» / Бородино и Наполеоновские войны. Битвы. Поля сражений. Мемориалы. Материалы II Международной научной конференции. Можайск, 2008. С. 293–306.

¹⁶ См.: *Хомченко С.Н.* Указ. соч.; Российский Государственный Исторический архив. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 656. Ч. 1. Л. 211–214; Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 71, Л. 5–9; *Загоскин Н.П.* История Императорского Казанского Университета за первые 100 лет его существования. Т.1. Казань, 1902. С. 406.

¹⁷ *Journal de captivité en Russie.* P.70.

Если условия, в которых осуществлялось этапирование, были невероятно тяжелыми для военнопленных, то почти столь же тяжелыми они были и для конвоиров, находившихся практически в том же положении, что и сопровождаемые ими пленники: «Мы шли уже месяц, и холод становился все сильнее. Пленные, да и сами казаки умирали десятками», — отмечает майор Бретон¹⁸ в другом письме к родным.

Следуя по этапу, люди подвергались неопишваемым страданиям.

Бёле, попавший в плен 28 ноября 1812 г., сообщает: «Четыре дня нас держали на лютном холоде, заставляя мучительно страдать от голода»¹⁹. А когда при 33-х градусном морозе они вновь двинулись в путь, то за одну ночь умерла половина пленных²⁰. По дороге в Витебск, проходя мимо опустошенных войной селений, они практически не могли раздобыть себе пропитания. «В основном нам приходилось довольствоваться тем, что жевали коренья»²¹. Что касается Мино, взятого в плен при переправе через Березину, то он так рисует захватывающую картину своего вынужденного «марша» на восток:

Весной 1813 года нас вели в глубь России отрядами по 300—400 человек под конвоем регулярных и нерегулярных казачьих частей. Как правило, регулярные казаки — очень хорошие наездники — не так жестоки по отношению к пленным, как нерегулярные — пехотинцы, вооруженные длинными пиками и огромными хлыстами. Эти войска отличаются жестокостью, и пленные очень сильно от нее страдали. Первые дни пути в глубь страны были очень тяжелыми из-за плохих дорог, тем более что у большинства из нас были обморожены ноги. Мы обертывали их разным тряпьем. Когда мы прибывали в какую-нибудь деревню, нас помещали по 30—40 человек в сарай, куда проникали и холод и снег. За неимением соломы мы спали на голой земле. Чтобы мы не умерли с голоду, нам давали по две ложки крупы, гречки, и по две пригоршни сухарей из ржи, овса, гороха и бобов. Эти сухари были такими твердыми, что приходилось долго их размачивать, прежде чем съесть²².

Александр де Шерон, попавший в плен в Ковно (ныне Каунас), также свидетельствует о варварском обращении, которому он подвергся вместе с товарищами по несчастью:

Бедные пленные сидели взаперти без еды и одежды, по самую шею в паразитах; к ним ежедневно являлись казаки, которые их били и отбирали последнее;

¹⁸ Lettres de ma captivité en Russie par le commandant Breton. P.129.

¹⁹ *Beulay H.* Op.cit. P.92.

²⁰ Ibid. P.94.

²¹ Ibid. P.95.

²² *Minod Ch.-F.* Op.cit. P. 45.

причем то, что оставалось незамеченным одним, не укрывалось от глаз другого, так что несчастные, ставшие жертвами их свирепости, были обречены умирать от голода, холода или побоев. Наконец, как следует из рапорта одного офицера, находившегося в отряде, из сорока офицеров их осталось всего трое. Судите сами, каково же было положение солдат, которым отказывали даже в воде²³.

На протяжении 1813 г. положение оставшихся в живых военнопленных — а их оставалось уже менее четверти — несколько улучшается. В письмах на родину отмечается, что отныне каждому пленному выдают по 12 копеек в день. Бёле уточняет, что «помимо хлеба и мяса офицеры имели право на 50 копеек в день», а «унтер-офицеры и солдаты получали по пятнадцать копеек²⁴», что позволило людям улучшить свой рацион, раздобыть обувь и одежду, избавиться от паразитов... Дезире Фюзелье свидетельствует о том же: он подтверждает, что в плену получал денежное довольствие в размере «полрубля» в день, что составляло чуть более полутора франков²⁵. Однако обращение с пленными не везде было одинаковым. Так, Фюзелье рассказывает, что, находясь в Великом Новгороде, он встречал пленных, которым выдавали по «три фунта муки и крупы²⁶», но платили лишь «один су в день».

В июле 1813 г. российский министр полиции издал циркуляр, за которым в ноябре последовал императорский указ. Еще до окончания военного конфликта — это произойдет лишь в мае 1814 г. после подписания первого Парижского мирного договора — эти два документа предлагали военнопленным из крестьян возможность соискать статус «иностранных поселенцев». Это означало, что они могли свободно совершать религиозные отправления, освобождались от налогов на срок от пяти до шести лет, а также получали щедрую денежную субсидию и земельный надел, что должно было помочь им обосноваться на территории Саратовской и Екатеринославской²⁷ губерний. Пленным ремесленникам и мастеровым предлагалась работа на фабриках и мануфактурах, и даже на строительстве — участие в восстановлении разрушенных зданий и жилых домов²⁸, а также возможность работать по индивидуальным контрактам на выгодных финансовых условиях. Наконец, российское правительство предлагало пленным возможность натурализоваться, подав на временное, два-три года, или постоянное подданство²⁹. Эти щедрые меры, касавшиеся как офице-

²³ Cheron A. de. Op.cit. P.33.

²⁴ Beulay H. Op.cit. P.103.

²⁵ Journal de captivité en Russie. P.47.

²⁶ Ibid.

²⁷ Современное название г. Екатеринослава — Днепропетровск.

²⁸ См.: Искюль С.Н. Роковые годы России: Год 1812. Документальная хроника. СПб., 2008. С. 313.

²⁹ Sirotkin V. La campagne de Russie. Le destin des soldats de Napoléon après la défaite // Revue de l'Institut Napoléon. 1991. I. N 156. P. 56–65.

ров, так и простых солдат, преследовали определенную цель: компенсировать демографические потери страны от войны и активизировать экономику империи, пострадавшую от военных действий. Предложение нашло благоприятный отклик: по некоторым оценкам, в августе 1814 г. четверть военнопленных изъявила желание стать подданными Российской империи, правда, в большинстве временно, а не постоянно. В итоге, по данным 1837 г., в Москве насчитывалось около 1500 ветеранов Великой армии³⁰.

В то же самое время и французское государство озабочилось возвращением на родину своих детей. При этом оно также руководствовалось преимущественно экономическими и демографическими соображениями. Барон Морен, назначенный комиссаром по репатриации, отправляется летом 1814 г. в Москву, чтобы организовать отправку первых партий военнопленных на родину. Она должна была начаться летом того же года и осуществляться по морю³¹. Архивные данные свидетельствуют о том, что отправка репатриантов растянулась вплоть до 1816 г.³² Среди выживших и вернувшихся из русского ада находились и авторы свидетельств, на которые мы ссылаемся в данной статье.

Российская империя, страна страданий и контрастов

Для этих странников «поневоле», пришедших с западных окраин империи и заброшенных судьбою на Урал или даже в Сибирь, Россия, что неудивительно, стала, прежде всего, землей страданий и одиночества.

1. Земля страданий и одиночества

Страдания были прежде всего физическими, сопровождавшимися лишениями, с которыми постоянно сталкивались военнопленные. Голод и холод — лейтмотив их воспоминаний — были главными причинами смерти, беспощадно косившей их ряды. Холод, неотступно преследовавший Бёле, присутствует повсюду в его рассказе. Своим спасением он был обязан тому счастливому обстоятельству, что по дороге сумел справиться себе «теплый овчинный тулуп, отделанный мехом»³³. Александр де Шерон, после пленения оказавшийся в Астрахани, также жалуется на лютые холода:

1 января 1814 г. [...] Невозможный холод. Волга покрыта льдом. На улице тридцать три градуса мороза. Птицы замерзают на лету. Переходя из одного дома в другой, рискуешь отморозить себе уши и нос. 1 февраля [...] Мороз стоит невыносимый³⁴.

³⁰ Ibid.

³¹ Ibid.

³² *Pétiteau N.* Lendemain d'Empire. Les soldats de Napoléon dans la France du XIXe siècle. P., 2003. P. 115.

³³ *Beulay H.* Op.cit. P. 108.

³⁴ *Chéron A. de.* Op.cit. P.38.

По прибытии в пункт назначения к холоду и голоду добавлялось тягостное чувство одиночества и оторванности, о котором сообщается в большинстве писем и мемуаров уцелевших солдат. Прибыв в начале декабря в Уфу, Бёле решил, что это конец его путешествия, но вскоре был вынужден вновь отправиться в дорогу. Чем дальше он шел, тем реже встречались ему местные жители:

Уж на этот-то раз мы точно пришли, – подумали мы. Но оказалось, что нет. 5 декабря, невзирая на снег и обжигающий холод, нам пришлось снова двинуться в путь, подобно Вечному Жиду, чтобы еще дальше углубиться в эту проклятую страну, туда, где уже не найти ни единой христианской души, с которой можно перекинуться словом³⁵.

Гнетущее чувство изоляции встречается в источниках повсеместно. В путевом дневнике де Шерона неоднократно попадаются такие записи:

(20 сентября 1814 г.) Деревня, где всего два дома. Два дня стоит такой холод, какой бывает во Франции в ноябре месяце. 21 сентября. Деревня. Дорога и окрестности являют собой зрелище ужасающей нищеты; повсюду невозделанные поля и деревни, в которых осталось два-три дома и почти не осталось жителей³⁶.

Чувство изоляции еще больше усиливалось из-за ощущения огромной культурной разницы, отделявшей французских солдат – христиан, знавших грамоту – от татарского населения или «магометан» (выражение, часто используемое авторами), с которыми они соседствовали в местах ссылки. «После отъезда из Казани, за исключением двух деревень – одной русской, другой черемисской – нам навстречу попадались одни татары³⁷», – сообщает Бёле, пораженный к тому же бедностью и убожеством этих деревень: «Уже много времени мы движемся в глубь пустыни, где нам встречаются лишь лачуги с одичалыми обитателями, у которых нет даже самого необходимого³⁸». Далее он жалуется на скудость своего повседневного существования, состоящего из «еды на скорую руку, подле дымных очагов оборванных и вонючих татар³⁹». Однако Фюзелье, которому в силу его статуса медика приходилось чаще общаться с людьми, дает более подробное описание татар. Он подчеркивает, что, в отличие от русских, те не пьют, и утверждает:

³⁵ *Beulay H.* Op.cit. P. 126.

³⁶ *Chéron A. de.* Op.cit. P. 43.

³⁷ *Ibid.*

³⁸ *Beulay H.* Op.cit. P. 130.

³⁹ *Beulay H.* Op. cit. P. 162.

Эти народы, находясь в подчинении у русских, намного превосходят их в трудолюбии и цивилизованности. Хотя их название (татары) может ввести в заблуждение тех, кто их не знает, можно утверждать, что татары люди мягкие, услужливые, хотя и обманщики. Живут они хорошо, очень любят сладкую выпечку и часто пьют чай. Они едят конину, и за одно это русские страшно их не любят. Каждый день, утром, днем и вечером, они совершают на коврике свои молитвы и читают Коран. Они не соблюдают постов. Почти все они умеют читать, писать и считать⁴⁰.

Но такое суждение является скорее исключением. В рассказах выживших доминирует ощущение дистанции и даже культурного превосходства по отношению ко всем народам Империи, включая русский, о котором пленные французы, как мы увидим ниже, выносят достаточно суровое суждение.

Где бы ни находились ссыльные французы — на Урале, в «Малой Татарии», Башкирии или Сибири — все они остро ощущали свою оторванность от «цивилизованного мира», монотонность своего существования. Зато, и это важно подчеркнуть, если некоторые из них и были востребованы в силу своих специфических умений (врачи, краснодеревщики) и могли заработать хоть какие-то деньги, что позволяло им улучшить свой жизненный уровень, то никто из них не принуждался к труду насильно: в этом состояла немаловажная привилегия, которую давал статус военнопленного.

Российская империя, эта негостеприимная из-за своей нескончаемой зимы и сурового климата страна, поражала также пленных своими размерами (Фюзелье прошел пешком 4000 км, а Бёле — и того больше!), резкими контрастами и богатыми природными ресурсами. Ведь с приходом весны природа оживала и вновь становилась щедрой.

2. Страна с богатыми природными ресурсами

Фюзелье, сосланный в «Малую Татарию» (Крым и Южная Украина — *примеч. пер.*), с удивлением и волнением описывает плодородие тамошних земель, богатство фауны и флоры, полные дичи леса:

Утки, дикие гуси, бекасы, дрозды, синицы и бесчисленное множество другой дичи слетается сюда после таяния снегов. Надо признать, что это был бы совсем неплохой край, если бы зима здесь была короче и не такая суровая. Ведь цены на продукты здесь очень умеренные, а почвы очень плодородные⁴¹.

Бёле, находившийся на Урале, также обнаружил, что этот регион с наступлением тепла уже не кажется столь враждебным, как в зимнее время. Будучи сыном крестьянина из земледельческой области Бос, он

⁴⁰ Journal de captivité en Russie. P.88.

⁴¹ Journal de captivité en Russie. P. 91.

не мог остаться равнодушным к плодородным почвам, дающим щедрые урожаи. И вот, с наступлением весны, изумленно замечает:

Мы были поражены, наблюдая, с какой быстротой под действием солнца всходят хлеба, посеянные сразу же после таяния снега. Глядя, как на фоне бескрайних равнин колышутся на ветру нивы, засеянные пшеницей, рожью и ячменем, я вспоминал жатву в родных босеронских деревнях⁴².

Бёле был любителем поехать, и в его воспоминаниях отразились наблюдения относительно беспредельных возможностей рыбалки и охоты:

Мясо тут самого высокого качества, рыба отменная. Мы познакомились со старым рыбаком (татаринном), который приносил нам ее, сколько душе угодно, и брал очень недорого. Дичь, которой здесь видимо-невидимо, тоже продается за бесценок – по той простой причине, что крестьяне ее не едят. Они не трогают даже токующих глухарей. Если они и убивают зайцев и кролей, то только для того, чтобы защитить себя от их набегов, выпотрошить их и использовать шкурки⁴³.

Что касается Александра де Шерона, находившегося в плену в поволжском городишке Семёнове, куда прибыл в сентябре 1813 г., то он также с удовлетворением отмечает: «Продукты здесь дешевые. И много дичи⁴⁴».

Однако щедрость и изобилие природы не могли заставить забыть о том состоянии упадка, в котором находилась страна после разрушительной войны.

3. Стигматы войны

По дороге в ссылку, но особенно по пути домой после амнистии и освобождения, пленные единодушно фиксировали и описывали страшные разрушительные последствия войны: ведь стигматы конфликта были повсюду, на всем пространстве Российской империи.

Описывая свое прибытие в Витебск, Бёле напоминает, что этот город «особенно сильно пострадал от нашествия и многочисленных боев, которые имели место в его окрестностях. Все дома были обшарены, разграблены от погреба до чердака. Это заставило меня призадуматься о том приеме, который был оказан нам местными жителями, высыпавшими нам навстречу у городских ворот⁴⁵».

Города, деревни, церкви, сожженные Великой армией при наступлении или русскими армиями при отступлении, восстанавливались крайне

⁴² *Beulay H.* Op. cit. P. 148.

⁴³ *Ibid.* P. 135.

⁴⁴ *Cheron A. de.* Op. cit. P. 38.

⁴⁵ *Beulay H.* Op. cit. P. 100.

медленно, и в 1814 г. на территориях, ставших театром боевых действий, все еще царила разруха. В Воронове⁴⁶ «осталось восемь-десять домов и руины великолепной усадьбы», — отмечает Фюзелье. В Дорогобуже, месте ожесточенных сражений, ситуация, по словам врача, была следующей:

Огонь распространился на пригороды и уничтожил все на своем пути. [...] Там начинали восстанавливать какие-то хибары. [...] Перед прибытием в Смоленск нам довелось видеть руины одного пригорода, который был полностью сожжен в 1812 г. В тот момент его отстраивали заново. Затем мы увидели две часовни, изрешеченные пулями и шрапнелью, но при этом образа внутри не пострадали⁴⁷.

По пути во Францию Шерон, со своей стороны, также описывает следы войны, отмечая медленные темпы, которыми шло восстановление. Прибыв 15 августа 1814 г. в Вязьму, он пишет:

Вязьма: этот город, который я вижу уже в третий раз, имеет большую протяженность. Большая часть его была сожжена, особенно кирпичные дома, которых здесь очень много. Восстановление далеко от завершения, хотя работы идут полным ходом. Мы прибыли там 16-го, 17-го и 18-го⁴⁸.

А прибыв 19-го числа в деревню Семлево и сознавая, какие страдания война принесла гражданскому населению, он признается:

Семлево было настолько разрушено, что нам пришлось, несмотря на плохую погоду, разбить бивуак, так как мы не осмеливались заходить в ужасные дома местных жителей. К счастью, у нас было с собой продовольствие, ибо там невозможно было найти даже муки. Видимо, русские решили наказать нас, заставив идти этой дорогой, где мы с трудом могли найти себе пропитание, где не было лошадей, где нас встречали жители, которым мы принесли столько несчастий и которые нас так и не простили⁴⁹.

Из последних слов видно, что стигматы войны были не только материальными, но и психологическими: они давили тяжким грузом как на русских в их отношении к пленным французам, так и на французам в их восприятии российского общества и самодержавного государства.

⁴⁶ Речь идет о Воронове, деревне, принадлежавшей графу Ростопчину, который с приближением французам сам сжег свою усадьбу, упоминаемую Фюзелье.

⁴⁷ *Journal de captivité en Russie*. P. 103.

⁴⁸ *Cheron A. de*. Op.cit. P. 43.

⁴⁹ *Ibid.*

Взаимное восприятие французов и русских

Большинство источников свидетельствует о том, что со стороны населения восприятие плененных французов было неоднозначным.

1. Пленные французы в восприятии простого люда и элиты общества

Источники единодушны в описании того, насколько французы были ненавидимы простым народом, который при встрече с ними неизменно проявлял мстительное и враждебное отношение. В Витебске Бёле и его товарищам по несчастью пришлось столкнуться с гневом местного населения, превратившегося в настоящую «свару», от которой их «с огромным трудом» спас казачий эскорт:

В нашу сторону летели проклятья, улюлюканья, угрозы смерти. Особенно отличались женщины: в приступе ярости они, как настоящие ведьмы, грозили нам кулаками, выкрикивая в наш адрес бранные слова и не стесняясь в выражениях⁵⁰.

Со своей стороны, Фюзелье, на подходе к Казани, отмечает в своем дневнике ту ненависть, которая вспыхивала в народе при появлении плененных французов⁵¹. Он также с сожалением описывает неутраченную злобу со стороны священников, не слишком-то склонных проявлять милосердие, и агитацию русской церкви против «безбожников», которую, впрочем, он всячески старался развенчать:

...Российское государство было заинтересовано в том, чтобы внушать народу как можно больше отвращения к державе, которой оно так боялось. Обыватель определенно верил в то, что мы безбожники, как и во многие другие абсурдные вещи, которые внушали ему Бароны⁵². Однако эти доверчивые люди легко убеждались в обратном, как только мы находили возможность с ними объясниться и их переубедить. «Как, — удивлялись они, — у вас во Франции есть церкви, вы крещенные, вы празднуете Пасху и Троицу?»⁵³

Если пленным приходилось терпеть ненависть простого люда и агрессивность священников, то у представителей правящего сословия они, наоборот, вызывали определенную симпатию, и целый ряд выживших свидетельствует о великодушном отношении с их стороны к пленным французам. По дороге в Витебск Бёле стоял на квартире у «одного поляка», который велел подгото-

⁵⁰ *Beulay H.* Op. cit. P. 100.

⁵¹ *Journal de captivité en Russie.* P. 97.

⁵² То есть знатные земельные собственники.

⁵³ *Journal de captivité en Russie.* P. 81.

вить все свободные комнаты своего просторного дома и разместил «солдат и унтер-офицеров в отведенных помещениях со всеми возможными удобствами⁵⁴». В уральском городке Бирске Бёле знакомится с «наиболее влиятельными семьями Бирска и его окрестностей, и мало-помалу между местными жителями и французскими офицерами устанавливаются весьма дружеские отношения, причем без всякой задней мысли⁵⁵». Майор Бретон по прибытии в Мглин был приглашен городским головой выпить чаю и отобедать⁵⁶, а через несколько дней он был зван в гости к еще одному дворянину-франкофилу:

Элегантные сани с ветерком доставили меня в имение этой respectable семьи, состоявшей из отца, его супруги и их восемнадцатилетнего сына, из которых он один сносно говорил по-французски. [...] Я провел в этом гостеприимном доме с неделю, пролетевшую, впрочем, очень быстро, и был окружен самой трогательной заботой со стороны его добросердечных хозяев, которые заставили меня поверить в провидение и частично забыть мои злоключения⁵⁷.

В свете этих свидетельств легко прийти к выводу: франкофилия имущих классов сумела-таки устоять во время войны. Однако подобное благожелательное отношение не мешало пленным высказывать по меньшей мере суровое мнение об этом самом правящем сословии, о русском народе и о российском обществе в целом.

2. Суровые высказывания о российском обществе и его устройстве

Действительно, источники, имеющиеся в нашем распоряжении, изобилуют весьма негативными замечаниями и комментариями о российском обществе, его структуре и его функционировании. По мнению Фюзелье, русский народ в целом нерешителен, апатичен, суеверен⁵⁸ и глубоко невежествен, его нельзя рассматривать как цивилизованный:

...Из всех народов, составляющих Российскую империю, менее всего образованы и наименее цивилизованы москвиты, ибо, за исключением русской знати, свободные и рабы не имеют никаких познаний в науках и искусствах и живут в постыдном невежестве⁵⁹.

Недостаточно цивилизованные, чуть ли не варвары, русские также описываются как поработанные и неспособные свергнуть иго, жертва-

⁵⁴ *Beulay H.* Op.cit. P.98.

⁵⁵ *Ibid.* P.135.

⁵⁶ *Lettres de ma captivité en Russie par le commandant Breton.* P.137.

⁵⁷ *Ibid.*

⁵⁸ Аналогичное мнение высказывает и Бёле: *Beulay H.* Op. cit. P. 148.

⁵⁹ *Journal de captivité en Russie.* P. 69.

ми которого стали: «Неспособные мечтать о лучшей доле, они склоняют голову под хлыстом своих угнетателей⁶⁰».

Дворяне часто описываются как франкофоны и франкофилы. В Уфе Бёле вместе с одним пленным врачом был принят в самых богатых домах города и с удивлением открыл для себя, какое широкое распространение и авторитет имела французская культура. Супруга городского головы, прекрасно говорившая по-французски («она говорила на удивление чисто и с превосходной интонацией⁶¹», — уточняет Бёле), открыла перед ними двери своей библиотеки, где они собрались пить чай:

Она обратила наше внимание на то, что на полках в первом ряду стоят шедевры французской литературы, начиная с мастеров Великого века и кончая самыми современными авторами. Одним из изысков, одной из утех этой семейной пары было то, что они выписывали из Франции новейшие публикации, наделавшие шуму у себя на родине, и затем смаковали их вместе⁶².

Эта любовь к французской культуре встречается довольно часто. Бёле упоминает также о том, что многие состоятельные люди Бирска получали газеты (одна из них была на французском языке), пестревшие новостями о положении дел во Франции⁶³. Именно там, в Бирске, из этой самой газеты на французском Бёле узнает позднее об отречении Наполеона в марте 1814 г. Тем не менее столь благоприятное впечатление от общения с представителями высшего общества разделяют отнюдь не все наши авторы. Например, Фюзелье настроен скорее критически по отношению к дворянству, культуру которого он считает поверхностной: «Они ищут знакомства с иностранцами, чтобы наблюдать их манеры, а затем подражать им⁶⁴».

Это избобличение в подражательстве следует подчеркнуть особо: всего двадцать пять спустя мы находим рассуждения на ту же тему в первом «Философическом письме» Чаадаева (1836), а также в сочинении маркиза де Кюстина «Россия в 1839 году».

Наконец, высказав свое мнение по поводу высшего общества, ряд авторов считает нужным описать российскую администрацию, указав на ее косность и неоправданно высокую численность. Рассказывая о городе Бирске, Бёле подчеркивает:

У них не только есть гарнизон, но и командир с многочисленными штабными работниками и всеми чиновниками, из которых состоит канцелярия. Ох уж эти чинуши! Впрочем, это касается не только Бирска: это вообще одна из язв

⁶⁰ Ibid. P. 75.

⁶¹ *Beulay H.* Op.cit. P.164.

⁶² Ibid. P.162.

⁶³ Ibid. P.135.

⁶⁴ *Journal de captivité en Russie.* P. 74.

русского общества, одна из причин его топтания на месте, тормозящего движение по столбовой дороге цивилизации. В силу полувоенной организации бюрократических ведомств их подчиненные ждут, что о них позаботится начальство; инициатива отсутствует начисто; они обожают привычную рутину и страшно боятся любых нововведений и любых усовершенствований, которые могли бы нарушить их привычки и потревожить их лень⁶⁵.

Но особенно шокирует пленных французов коррупция, процветающая в верхах региональных элит, тем более что и сами французы нередко становятся ее жертвами. Так, по словам Бёле, половина подъемных, дарованных Александром I военнопленным, пожелавшим вернуться домой за собственный счет, была отобраана у него генерал-губернатором⁶⁶. Между тем, сообщает Александр де Шерон, такие случаи явной недобросовестности были, судя по всему, довольно распространены:

Мы просидели в Нижнем Новгороде до 8 июля (1814): делать было решительно нечего; к тому же эта неожиданная задержка продлевала нашу несвободу. Для нас все это были дни, отнятые у счастья. В дальнейшем мы узнали, в чем было дело. Губернатор знал, что кое у кого из пленных еще оставались деньги. Правительство разрешало им брать за небольшую плату почтовых лошадей, а губернатору предписывалось содействовать им деньгами. Тот же, чтобы принудить их к этому (нанимать лошадей за свои деньги, не дожидаясь выплат. — *Примеч. пер.*), оттягивал наш отъезд. Тогда человек пятнадцать из тех, кому он вопреки приказу императора задержал выплаты, уехали, в результате чего большинство из этих господ, оставшись без денег, не смогли ехать дальше на перекладных⁶⁷.

Эти тексты, принадлежащие перу выживших в горниле русского плена, одни — отмеченные печатью отчаяния, другие — проникнутые оптимизмом, являются, таким образом, для историка источниками первостепенной важности. Ибо помимо того, что в них говорится о страданиях и травматическом опыте, выпавших на долю пленников, это также целый букет образов, впечатлений и оценок, часто суровых, но иногда забавных, касающихся городов и весей Российской империи, ее системы управления, общественных классов и административной коррупции. Странники поневоле, пленные французы превратились, таким образом, во внимательных наблюдателей, нередко возмущающихся самодержавным строем и социально-экономической структурой России того времени, которые они, будучи воспитаны на идеалах Просвещения и 1789 года, не могли не осуждать и которые, подобно кривому зеркалу, служили им болезненным напоминанием об их собственной истории и собственных ценностях.

⁶⁵ *Beulay H.* Op.cit. P. 130.

⁶⁶ *Ibid.* P. 172.

⁶⁷ *Cheron A. de.* Op.cit. P.40.

Thank you for evaluating AnyBizSoft PDF Splitter.

A watermark is added at the end of each output PDF file.

To remove the watermark, you need to purchase the software from

<http://www.anypdftools.com/buy/buy-pdf-splitter.html>